

З.Х. Кумаева

ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА АДЫГСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XVII–XIX ВВ.

З.Х. Кумаева*

Аннотация. В данной статье анализируются исследования европейских путешественников, побывавших на Северном Кавказе в XVII–XIX в., затрагивающие статус женщины в традиционном черкесском обществе. Выявленные источники классифицируются по сюжетам, описывающим формирование статуса женщины с младенчества до достижения положения матери семейства. В настоящей статье предпринята попытка комплексно изучить вышеупомянутые источники, выявив стороны жизни адыгской женщины, привлекавшие внимание иностранных исследователей.

Ключевые слова: черкешенка, иностранные путешественники, социальный статус, традиционное общество, гендерная история.

Актуальность темы. Северный Кавказ всегда отличался своей патриархальностью и традиционностью. В течение столетий писатели, путешественники и этнографы обращали внимание на особенности быта кавказских женщин. Значительный вклад в исследование локализации черкешенки в социальном пространстве, ее статуса в обществе и приписываемых ей социальных ролей внесли заметки, дневники и мемуары европейских путешественников, прибывавших в данный регион с самыми различными целями: от налаживания торговых связей до изучения истории и быта жителей Кавказа. В настоящей статье предпринята попытка комплексно изучить и классифицировать вышеупомянутые источники, выявив стороны жизни адыгской женщины, привлекавшие внимание иностранных исследователей.

Материалы и методы. Иностранные авторы, в разное время посещавшие Северный Кавказ, оставили ценные сведения. Эти свидетельства представлены в виде очерков, заметок, записок, личных дневников путешественников, писем и отчетов. Круг привлекаемых в статье документов хронологически ограничен XVII–XIX в. Это объясняется характером европейских исследований Кавказа, которые с XVII века становятся более многочисленными и приобретают основательность в описании социальной структуры черкесского (адыгского) общества. В них уделено значительное внимание статусу адыгских женщин в традиционном обществе, их положению в семье и браке, а также имущественным и наследственным правам.

Результаты. При исследовании статуса черкешенки в традиционном обществе с опорой на произведения иностранных авторов выявляются сюжеты, которые можно классифицировать следующим образом:

1) отношение к рождению девочки в патриархальной черкесской семье, методы ее воспитания,

процессы социализации;

2) степень свободы молодой девушки в передвижении, общении, в том числе с молодыми людьми, возможность самостоятельного выбора будущего мужа;

3) условия трансформации статуса замужней женщины в семье, степень ее влияния на мужа и домочадцев;

4) регулятивные функции женщин в общественных отношениях, таких как аталычество, примирение кровников, установление родства;

5) степень свободы общения черкешенки с мужчинами, не являвшимися ее родственниками.

В традиционном адыгском обществе по-разному подходили к процессу и методам воспитания детей в зависимости от их пола. Эти различия проявлялись с момента появления младенца в семье. Английский политический агент Джеймс Белл, проживший среди черкесов около трех лет, описывал празднества, устраиваемые в честь рождения мальчиков. Он констатировал, что при рождении сыновей проводились пышные церемонии, но при этом торжества не устраивались по случаю рождения девочки: «При рождении первого, да и последующих сыновей, повторяется та же церемония, но, к сожалению, <...> этого никогда не бывает по случаю рождения девочки» [2, с. 518]. Другой автор, немецкий ученый-естественник Карл Кох, по этому поводу уточнял, что некоторые праздники в честь рождения дочерей устраивались, но не с таким размахом, и в большинстве случаев лишь в княжеских семьях [7, с. 585].

Сведения о процессе воспитания девочек в черкесской семье не отличаются подробностями, тем не менее определенные факты встречаются в трудах западноевропейских авторов XVII–XIX вв. Так, например, Бларамберг отмечал, что на воспитание аталыкам отдавали не только мальчиков, но и дочерей княжеских родов [3, с. 160]. На обычай отда-

* Кумаева Заират Хасанбиевна – аспирант Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик (kzaira@list.ru).

вать девочку на воспитание в другую семью указывали и другие авторы [5, с. 145].

Сюжеты, описывающие жизнь молодых черкешенок в произведениях европейских авторов XVII–XIX веков, встречаются довольно часто. Наибольшее внимание уделено внешности девушек, их одежде и поведению. Казалось бы, заметки про внешность девушек при описании социального статуса не играют большой роли, но не в случае с черкешенками. Девушка, которая заслуживала звание красавицы, в адыгском обществе возносилась на некий пьедестал и могла предъявлять высокие требования к претендентам на ее руку. Иллюстрацией к этому может послужить свидетельство Джеймса Белла: в западно-черкесском ауле он слышал песню о девушке из семьи Зазиоку, о ее необыкновенной красоте, о судьбе многочисленных отвергнутых ею поклонников [2, с. 465]. Интересно, что эта песня посвящалась реально существовавшей девушке, которая к описываемому моменту была уже замужем. О всеобщем преклонении перед известными красавицами и уважении к их популярности сохранились сведения и в более ранних источниках. Бытописатель середины XVII в. упоминает даже об упреках, которыми обменивались ссорящиеся супруги: «Будь они менее некрасивыми и не имей они некоторых недостатков, у них было бы вздыхателей больше, чем у них в настоящее время имеется» [13, с. 81]. Таким образом, очевидно, что красота являлась инструментом возвышения статуса женщины в адыгском социуме.

Наибольший интерес у европейских путешественников вызывало положение замужней женщины, особое внимание ими уделялось взаимоотношениям супругов и вопросу о власти женщины в семье. Самым интригующим сюжетом для сторонних наблюдателей за повседневной жизнью адыгов, судя по источникам, стали обычаи избегания между супругами. Практически каждый автор упоминает их в своих записях. Так, П.С. Паллас в своих наблюдениях за бытом черкесов во второй половине XVIII в. удивляется тому, что «муж посещает свою молодую жену долгое время только тайком, влезая в окно ее комнаты» [11, с. 222]. Чуть позже Иван Бларамберг более подробно описывает избегание у черкесов: «На рассвете следующего дня (после бракосочетания. – **З.К.**) муж покидает свою супругу, которая должна перебраться в отдельный домик, выстроенный для нее супругом под жилище, где отныне он будет видеть ее только ночью или под величайшим секретом, поскольку появляться на людях с женой считается своего рода бесчестьем. Если они случайно встречаются днем, они немедленно поворачивают в противоположные стороны» [3, с. 162].

Вызывает интерес рассказ Джеймса Белла, который пытался обсудить с мужем больной женщины методы лечения: «Мой слуга напомнил мне, что муж не должен знать, что происходит в комнате его жены, а потому входить мужу в комнату во время

ее болезни или вмешиваться в ее лечение совершенно против всяких установленных правил. Если бы муж высказал тревогу за участь своей жены, то на это посмотрели бы как на крайнее малодушие с его стороны» [2, с. 499].

Но Дж. Белл расценивал этот обычай как внешнее проявление этикета, не отражавшее внутренних переживаний индивида. Это становится понятным из продолжения его рассказа: «Пока я говорил ему об опасности, которой подвергали его жену (кстати говоря – она замечательно красива) <...> слезы стояли в его глазах, а принужденный смех и несколько слов, сказанных некстати, обнаруживали всю силу внутренней борьбы, которую он испытывал» [2, с. 499].

Как видно из этих эпизодов, обычаи избегания между супругами, обязательно соблюдавшиеся в традиции и имеющие место в современности, в какой-то степени очерчивали пределы личного пространства индивидуума, за которые не допускались посторонние. Это сопровождалось жесткими ограничениями и для самих партнеров, ограничением, в первую очередь, проявления собственной индивидуальности для окружающих. Наверное, во многих случаях это того стоило, европейские авторы прошлого вообще воспринимали обычаи избегания, как «придуманные для того, чтобы продлить царство любви между супругами подобно тому, как трудности, которые испытывали любовники, мечтающие принадлежать друг другу, способствуют зачастую продлению их иллюзий» [3, с. 162].

Тема брака и семьи должна включать и такой аспект, как супружеские измены. Писатели прошлых веков приводят разнообразные случаи, описывающие виды наказаний, которым подвергалась неверная жена. Так, Тебу де Мариньи писал, что некоторые мужья могли наказывать их физически – побоями или даже членовредительством, отрезая жене кончик носа или мочку уха. Но физическая расправа не соответствовала истинно мужскому поведению, поэтому неверную жену могли, например, продать. При этом он уточняет, что на подобные радикальные меры решались немногие мужья, опасаясь значительного штрафа, выплату которого может потребовать семья жены [14, с. 69]. Тавернье приводит совершенно противоположные утверждения о «деликатности» мужа, который, даже застав жену с любовником, просто выходил из дома и никогда не упоминал об этом [13, с. 77]. Иного рода свидетельства о типичной сдержанности в отношении поведения жены содержатся в источниках XIX века: «Муж сам наказывает свою жену в кругу семьи и берет на себя вину за то, что он мало оказывал ей внимания» [7, с. 588].

Положение адыгской женщины в браке, в семье и обществе описывается европейскими авторами через призму их поведения с гостями-мужчинами, в качестве которых эти авторы впервые встречались с местными жителями. Приведем несколько свидетельств очевидцев, отражающих их свободу

общения. Адам Олеарий в 30-х годах XVII века писал, что черкесские женщины «даже приглашали нас зайти в их дома. Говорят, у них такой обычай: если заходят чужие посетить жен, то мужья добровольно удаляются и предоставляют гостям беседовать с женами» [10, с. 84]. Но тот же Олеарий признавал, что «жены, тем не менее, верны своим мужьям и не соединяются плотски с другими» [10, с. 84]. От этого источника почти не отличаются записи Я. Стрейса (конец 60-х годов XVII века): «Они (черкешенки) весьма общительны и приветливы и с большой охотой позволяют, чтобы их целовали и любезничали с ними, не считаясь с тем, чужой это человек, черный или белый, и даже тут же присутствующий муж не выражает недовольства. Некоторые из наших принялись играть и шутить с ними, а иногда и вступать с ними и в более близкие отношения, что они охотно допускали, смеясь; но тот, кто хотел добиться большего, должен был отступить» [12, с. 102]. Они любят принимать приезжих в своих домах, так что, если случится гость, будь то знатный или купец, то хозяин оказывает ему всякую ласку и почесть. Его дочери, будь они самые благородные и красивые девушки, не только не прячутся от гостя, но целуют ему руку и заботятся о чистке его платья [4, с. 64].

Префект доминиканской миссии в Каффе в первой половине XVII века Джованни Лукка, хорошо знакомый с черкесским бытом, восхищался гостеприимством адыгов: «Девушки прислуживают гостю с открытым лицом и моют ему ноги» [9, с. 71]. Абри де ла Мотрэ, путешествовавший по земле черкесов, в 1711–1712 гг., рассказывал о приеме, который был ему оказан местными жителями, и среди прочего отмечал внимание и уход за ним хозяйки дома и ее дочерей [1, с. 131].

Независимость адыгских женщин в общении с мужчинами представляет интерес с точки зрения социальной стратификации. Здесь не столько представлена раскрепощенность – источники убеждают нас в целомудрии женщин, сколько отражаются неброские признаки сравнительного равенства мужчин и женщин в частной жизни, отсутствия жесткой власти или демонстративного подавления женщин в гендерном отношении [15, с. 69].

Подтверждением того, что женщина имела определенное влияние в семье, могут послужить два сюжета, встречающиеся в трудах Белла и Лонгворта. Первый повествует о черкесской семье, где Белл гостил некоторое время. По его словам, жена хозяина управляла всем в доме – и вещами, и людьми, и супругом. Ее властность ущемляла домочадцев настолько, что даже для незнакомого гостя было очевидно их полное бесправие, подчиненное положение и ущемление в одежде. Белл

сравнивает свою хозяйку с «домашним драконом» и не видит возможности к перемене из-за спокойствия и добродушия ее супруга [2, с. 515].

Лонгворт рассказывает о другой хозяйке дома, власть которой в ведении хозяйства также была абсолютной, и ее муж, известный своей мудростью, тоже уступал своей жене. Но в отличие от первого случая здесь Белл наблюдал, что «ее (хозяйки дома) домоуправление было до крайности строгим и экономным. Ее постоянное внимание чувствовалось во всем, что могло доставить нам удобства. Ее превосходство, как домашней хозяйки, для нас было очевидным» [8, с. 576].

Несмотря на все эти свидетельства женского влияния, следует все же отметить его ограничение территорией усадьбы и частным пространством семьи. В культурах народов Северного Кавказа женщины были отстранены от всех публичных властных структур, включающих социально-политическую, правовую и экономическую сферы деятельности. Но общеизвестно имплицитное влияние женщин на действия и решения мужчин, занимающих доминирующие позиции в патриархальном обществе [16, с. 271].

Бытование на Кавказе обычаев почитания женщин стало общим местом в этнографической литературе и тексты иностранных авторов подтверждают этот тезис: «Они (женщины) пользуются важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа; мы хотим сказать об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам» [3, с. 165]. «Достаточно того, чтобы мужчина, которого преследуют враги, укрылся в помещении женщин, или чтобы он доктронился до какой-нибудь женщины, как становится неприкосновенным... Никакая кара, никакая месть и тем более убийство не могут быть совершены в присутствии женщин; их откладывают до другого случая» [3, с. 165].

Выводы. При изучении в комплексе представленных источников было выявлено, что некоторые стороны жизни черкешенки были освещены более ярко, некоторые, не менее важные для современных историков, остались малоизученными. Но все эти недостатки объяснимы, ведь не все путешественники, оставившие нам свои заметки и дневники, являлись профессиональными историками и этнографами. Тем не менее приведенные в статье источники являются богатым и плодотворным материалом при изучении социального статуса адыгской женщины, для включения ее в исторический канон и воссоздания достоверной картины жизни черкесского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абри де ла Мотрэ.** Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 119–147.

2. **Белл Д.** Дневник пребывания в Черкесии в течении 1837, 1838, 1839 гг. // *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 458–531.

3. **Бларамберг И.Ф.** Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. 403 с.
4. **Д'Асколи Э.Д.** Описание Черного моря и Татарию // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 61–67.
5. **Дюбуа де Монпере Ф.** Путешествие вокруг Кавказа у адыгов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. 284 с.
6. **Клапрот Ю.** Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. 317 с.
7. **Кох К.** Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 585–629.
8. **Лонгворт Дж. А.** Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 531–584.
9. **Лукка Д.** Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жака де Люка, монаха Доминиканского ордена // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, С. 68–71.
10. **Олеарий А.** Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 82–85.
11. **Паллас П.С.** Заметки о путешествиях в южные местностях российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 214–225.
12. **Стрейс Я.Я.** Описание города Терки // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 99–102.
13. **Тавернье Ж.Б.** Шесть путешествий // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 73–81.
14. **Тебу Де Марини.** Путешествие по Черкесии. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. 284 с.
15. **Текучева М.А.** Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. 260 с.
16. **Текучева М.А.** Повседневная жизнь женщины в адыгском традиционном обществе // Женский фактор в истории, 2012. С. 271–280.

REFLECTION ON THE SOCIAL STATUS OF THE ADYGHE WOMAN IN THE RESEARCHES OF THE EUROPEAN AUTHORS OF THE XVII - XIX CENTURY.

Z.KH. Kumakhova

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173 (kzaira@list.ru).

Abstract. This article analyzes the research of European travelers who visited the North Caucasus in the 17th - 19th centuries. affecting the status of women in traditional Circassian society. The sources identified are classified by stories describin This article analyses the researches of European travellers who visited the North Caucasus in the period from 17th to 19th centuries, that covered the issue of the status of women in traditional Circassian society. The identified sources are classified according to the plot describing the development of women's status from infancy to getting the position of the mother of the family. In this article, an attempt has been made to study comprehensively the above-mentioned sources, identifying the Adyghe woman's aspects of life, which attracted the attention of foreign researchers g the formation of the status of women from infancy to the position of the mother of the family. In this article, an attempt was made to comprehensively study the above sources, identifying the sides of the life of the Adyg woman, which attracted the attention of foreign researchers.

Keywords: Circassian women, foreign travelers, social status, traditional society, gender history.

REFERENCES

1. Abri de la Motre. Puteshestvie gospodina A.de la Motre v Evropu, Aziyu i Afriku. // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, 1974. s. 119-147.
2. Bell D. Dnevnik prebyvaniya v cherkesii v techenii 1837, 1838, 1839 gg. // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, 1974. s. 458-531.
3. Blaramberg I.F. Istoricheskoe topograficheskoe statisticheskoe i voennoe opisanie kavkaza. Nalchik: El-Fa, 1999. 403 s.
4. D'Askoli E.D. Opisanie Chernogo morya i Tatarii // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, 1974. s. 61-67.
5. Dyubua de Monpere F. Puteshestvie vokrug Kavkaza u adygov i abxazov, v Kolxide, Gruzii, Armenii i Krymu. t. 1 Nalchik: El-Fa, 2002. 284 s.
6. Klaprot Yu. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godax po prikazaniyu russkogo pravitelstva Yuliusom fon Klaprotom, pridvornym sovetnikom ego velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t. d. Nalchik: El-Fa, 2008. 317 s.
7. Koh K. Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, 1974. s. 585-629.
8. Longvort Dzh. A. God sredi cherkesov // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus 1974. s. 531-584.
9. Lukka D. Opisanie perekopskix i nogajskix tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhaka de Lyuka, monaxa Dominikanskogo ordena // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, s. 68-71.
10. Olearij A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, 1974. s. 82-85.
11. Pallas P.S. Zametki o puteshestviyax v yuzhnye namestnichestva rossijskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg. // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, 1974. s. 214-225.
12. Strejs Ya.Ya. Opisanie goroda Terki // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, 1974. s. 99-102.
13. Taverne Zh.B. Shest puteshestvij // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyax evropejskix avtorov xiii-xix vv. Nalchik: Elbrus, 1974. s.73-81.
14. Tebu De Marini. Puteshestvie po Cherkesii. Nalchik: El-Fa, 2002. 284 s.
15. Tekueva M.A. Muzhchina i Zhenshchina v adygskoj kulture: tradicii i sovremennost. Nalchik: El-Fa, 2006. 260 s.
16. Tekueva M.A. Povsednevnyaya zhizn zhenshhiny v adygskom tradicionnom obshhestve // Zhenskij faktor v istorii, 2012. c. 271-280.